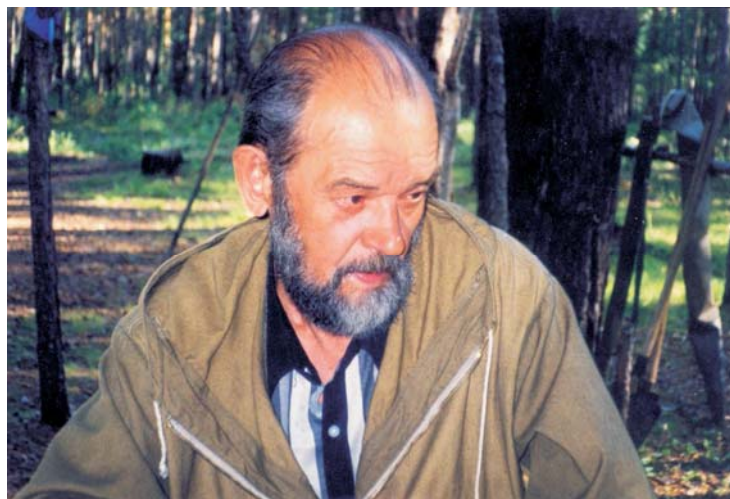
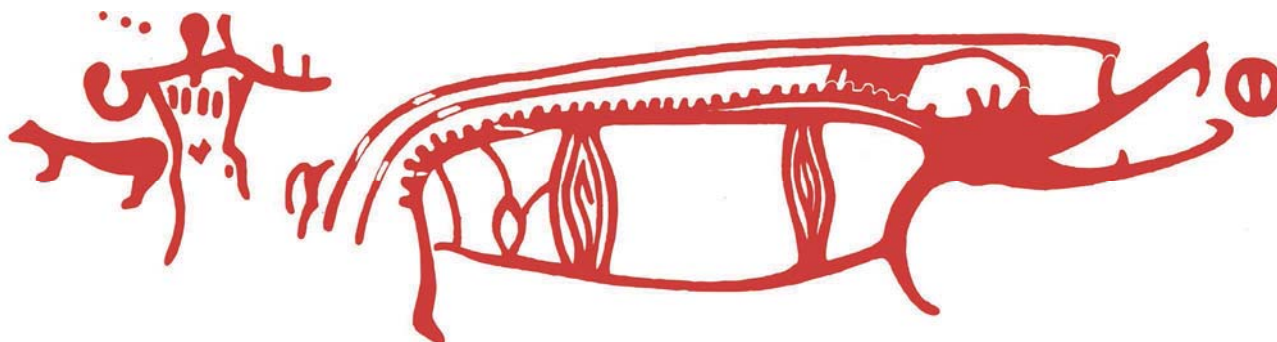

ОН ЖИВЕТ В СВОИХ УЧЕНИКАХ

(К 80-летию со дня рождения Михаила Петровича Аксёнова)

He lives in his students

(to the 80th anniversary of birthday of Mikhail Petrovich Aksienov)

*Одна из последних фотографий. Верхний лагерь
Шишкино, 2000 г.*

Есть мудрая сказка на ленской скале:
«Дракон, поедающий солнце».
В погожий денёк и в полуночной тьме
Открытое в тайну оконце.
Тяжёлый хребет и клыкастая пасть
Грозятся святому светилу.
И ждут, не дождутся, ловчее напасть
И свет весь упрятать в могилу.
То вечное действие Зла и Добра
В мифический образ сокрыто.
То страшная сказка про наши дела.
Твои и Мои...

А не чьи-то...
(Александр Никифоров, член
Союза писателей России с 2004 г,
лауреат литературной премии
им. Василия Шукшина 2014 г.)

24 ноября 2014 года Сибирская археологическая общественность отметила 80-летний юбилей со дня рождения доктора исторических наук М.П. Аксёнова. Биографию Михаила Петровича в прекрасном литературном жанре изложили Герман Медведев и Владимир Свинин в предисловии к списку научных трудов «Аксёнов Михаил Петрович – археолог, учитель, человек (путь от студента до доктора наук)» (сост. Пержаков С.Н., 2006 г. С. 8–12), а также в статье «Памяти учёного-археолога» в журнале «Земля Иркутская» в 2002 г., № 2 (19) (Медведев Г., Свинин В., Шмыгун П., Пержаков С. Иркутск, 2002. С. 62–64).

Но нам бы хотелось, что бы ещё раз родные, близкие, друзья, коллеги по «цеху», ученики, да и просто знающие люди

Михаила Аксёнова вспомнили основные вехи его жизненного и творческого пути.

Родился Михаил Петрович в далёком 1934 году 24 ноября в г. Иркутске. В 1953 году окончил среднюю школу рабочей молодёжи № 7. С 1953 по 1954 годы работал лаборантом в лаборатории Лисихинского кирпичного завода. В 1954 году был призван в ряды Вооружённых сил, службу проходил в Забайкальском военном округе. После успешного прохождения срочной службы в 1957 г. поступил в Иркутский государственный университет им. А.А. Жданова на историко-филологический факультет, который успешно закончил в 1962 г., по специальности «История». Тема его дипломного сочинения «Бадайская культура». Работа, написанная под руководством док-

тора исторических наук М.М. Герасимова, была защищена на «отлично». После окончания университета Михаил Петрович был рекомендован в аспирантуру при кафедре всеобщей истории. С 1962 по 1965 гг. находился в аспирантуре ИГУ. Научные интересы М.П. Аксёнова определились ещё в студенческие годы. Начиная с 1958 года, он активно участвовал в археологических экспедициях под руководством М.М. Герасимова на р. Белой (Усть-Белая, Черёмушник), а 14 июля 1962 году получает первый открытый лист за № 208 по форме № 3 Института Археологии АН СССР на право проведения самостоятельных археологических изысканий, разведки по маршруту будущего ложа Усть-Илимской ГЭС, в которой было выявлено более 70 местонахождений археологии.

С 1965 по 1970 год работает заместителем директора по научной части Иркутского областного музея краеведения. В эти годы проводит самостоятельные археологические исследования, работая начальником отрядов и экспедиций в Иркутском государственном университете, Иркутском областном музее краеведения, Института истории, философии и филологии СО АН СССР, Бурятском институте общественных наук БФ СО АН СССР. В эти годы он успешно исследует археологические памятники в долинах рек Ангары, Лены, Илима, Витима, озера Байкал и их притоков.

9 февраля 1970 г. М.П. Аксёнов успешно защитил диссертацию «Верхоленская Гора – памятник каменного века Сибири» (научный руководитель академик А.П. Окладников, первый оппонент доктор исторических наук. П.И. Борисковский). В этом же году ему присвоена ученая степень кандидата исторических наук. Расстаться с родным вузом Михаилу Петровичу было не суждено, он возвращается в ИГУ. С августа 1970 г. он – и. о. доцента, а в 1975 г. избран на должность доцента кафедры всеобщей истории Иркутского госуниверситета. Он читает курсы по истории первобытного общества, основы этнографии, спецкурс по археологии. За годы учебы и работы в ИГУ М.П. Аксёнов активно участвовал в общественной работе. Был секретарем комсомольской организации факультета, членом

бюро горкома ВЛКСМ, членом парторганизации факультета, партгруппоргом кафедры всеобщей истории, редактором стенной газеты факультета. Он сам писал стихи и очень хорошо рисовал.

Итогом многолетних исследований стала докторская диссертация по теме «Палеолит и мезолит Верхней Лены», которую он защитил 4 декабря 1989 г. в Новосибирске (Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, оппоненты доктор исторических наук И.И. Кирилов, доктор исторических наук В.И. Матюшенко, доктор геолого-минералогических наук С.М. Цейтлин).

Как преподаватель М.П. Аксёнов имел учебную нагрузку на очном и заочном отделениях исторического факультета. Под его руководством проводились ежегодные полевые археологические практики. В купе со всем этим М.П. Аксёнов вел серьезную научно-исследовательскую разработку по теме «Палеолит и мезолит Верхней Лены». Участвовал в подготовке многотомной «Археологии Сибири», руководил группой молодых археологов, проводивших исследования по разделу «Палеоэкология человека юга Средней Сибири». Принимал активное участие во всех научно-практических конференциях, полевых семинарах различного ранга – от региональных до международных.

До 2000 года Михаил Петрович выезжал на полевые работы в качестве научного консультанта и просто наставника. Его полевой стаж 42 года! Его научное наследие – более 80 научных статей по археологии Верхней Лены и сопредельных территорий. Им открыто и в разной степени обследовано более полусотни памятников докерамических периодов юга Средней Сибири. Его научные интересы разнообразны и поучительны для будущих поколений Сибирских археологов!

Посоветовавшись с «высшим» археологическим обществом, мы решили изложить наиболее значимые результаты в области археологии, полученные за эти прошедшие 12 лет (с тех пор как нет с нами Михаила Петровича) в географических рамках – Байкальская Сибирь. Не умоляя заслуги всей региональной археологии в

общем, а в частности Иркутской, в основу данного «списка» легли новые основные и значимые открытые археологические объекты и проведённые проекты, в которых, в той или иной мере, принимали участие или были первооткрывателями его ученики.

Думаем, что по масштабности работ нужно выделить местонахождение Мост (левый берег), которое раскапывалось с 1999 по 2009 годы, а в его изучении принимали непосредственное участие ученики Михаила Петровича. Это уникальный объект, в «фонде» которого более 100 тыс. уникальных находок из 7 культуросодержащих горизонтов, датируемых от 21–24 – 3 тыс. л. н. Получены семь C^{14} – радиоуглеродных дат. Объект исследован различными специалистами смежных с археологией наук (Лежненко, Пержаков, Николаев, и др., 2000; Воробьёва, 2010). В исследовании данного объекта принимала участие вся Иркутская археологическая «общественность». Опубликование материалов о местонахождении Мост (левый берег) является делом чести всех, кто трудился на этом интереснейшем комплексе.

Второй по масштабности проект археологических работ, проведённых Иркутскими археологами, принадлежит спасательным работам, проводимым с 2007 по 2014 год в зоне затопления Богучанской ГЭС коллегами и учениками Михаила Петровича. Открыты более 70 памятников, относящихся к различным этапам голоценовой и неоплейстоценовой истории. Лишь небольшая часть всего этого наследия, благодаря героическому, не побоимся этого слова, труду всех участников была спасена и вошла в фонд мировой археологической науки. Если бы Михаил Петрович был с нами, он обязательно все сезоны проводил бы там со своими друзьями, коллегами, учениками.

В археологии Иркутска и Иркутского района мы бы отметили работы учеников Михаила Петровича – В.М. Ветрова, который был руководителем раскопок части ОАН, мезолитическая стоянка «Лисиха» в 2009 г. (Ветров, Людников, и др., 2011); М.Ю. Сёмина, который так же считает себя учеником Михаила Петровича. Им были выявлены позднеплейстоценовые объекты:

Гремячий 2, Гремячий 3 в долине р. Ушаковки. По мнению автора, выявленные объекты ставят перед Иркутскими археологами вопрос о расширении зоны поиска в этой долине вплоть до «...западных отрогов Приморского хребта» (Семин, 2011, с. 143–146). Автором открытия ещё одного интересного позднеплейстоценового объекта местонахождения «Спартак» так же является Максим Сёмин. Этот объект органично вписывается в круг палеолитических объектов, расположенных на правом борту р. Ангары в точке первого палеолитического памятника России «Военный госпиталь», открытого в 1871 г. И.Д. Черским (ссылным). По археологии р. Кан (Красноярский край) в 2001 году Тагир Абдулович Абдулов в статье «Палеолитические горизонты Потанчетского геоархеологического полигона» делает предварительный анализ стратиграфических и морфологических характеристик данного объекта (Абдулов, 2001, с. 5–11).

Выходят в свет по разным направлениям и тематикам статьи его ученика В.М. Ветрова. Наиболее значимые, эталонные археологические комплексы на Верхнем Витиме были открыты в первые годы его обследования под непосредственным руководством М.П. Аксёнова: Усть-Юмурченский (Аксёнов, Ветров, Шмыгун, 1975) и Усть-Каренгский (Аксёнов, Ветров, 1977). Впоследствии благодаря этим объектам были даны названия археологическим культурам каменного века в пределах Витимского плоскогорья (Ветров, 2011 а, б).

В 2008 году под руководством Г.И. Медведева свою кандидатскую диссертацию защитил Евгений Роговской по теме «Палеолитические местонахождения начала верхнего плейстоцена на Мальтинском геоархеологическом полигоне» (Роговской, 2008), он тоже начинал свои первые самостоятельные шаги в археологии на р. Лене, на стоянке Шишкино 2 (1987 г.).

В 2010 году в издательстве «Наука» (г. Новосибирск) вышла замечательная монографическая работа Евгения Инешина и Алексея Тетенькина «Человек и природная среда Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I», в которой рассматриваются ре-

зультаты многолетних комплексных исследований одного из опорных геоархеологических объектов Байкало-Патамского нагорья (бассейн р. Витим).

В бассейне р. Киренги продолжает исследования Виталий Краснощёков, который в итоговой статье «Объекты палеолита в бассейне р. Киренги» подводит итог почти 40-летним исследованиям докерамических объектов, начатым ещё М.П. Аксёновым в 1973 году (Краснощёков, 2001, с. 181–184). Так же в низовьях р. Киренги в окрестностях г. Киренска Виталием Валерьевичем открыты новые местонахождения эолово-коррадированного материала: Безруковская падь (II к. с. г); Кирпичики 1 (подъёмный материал) (Краснощёков, 2011, с. 105–110), что дает надежду на выявление более древних комплексов в долине р. Киренги.

Не забыт и родной Ленский край Михаила Петровича, за последние годы его учениками исследуются и публикуются материалы по известным неоплейстоценовым и голоценовым местонахождениям. На комплексе Поповский луг (открыт Ленской археологической партией ИГУ под руководством М.П. Аксёнова в 1973 г.) проводит исследования кандидат исторических наук В.М. Ветров и его ученик Дмитрий Шергин. В период с 2001–2003 и 2011, 2013, 2014 гг. силами участников археологических практик Иркутского педагогического университета (2001–2003 гг.), (2011, 2013, 2014) Восточно-Сибирской Академии образования, а ныне Педагогический институт ИГУ, проводились исследования многослойной стоянки Поповский луг 1, общий объём проведённых раскопочных и шурфовочно-разведочных работ составил более 150 м². В настоящее время готовится публикация по раннеолитическому погребению, выявленному в 2013 году на Поповском лугу 2 (автор Дмитрий Шергин).

В 2001 году вышла в свет статья по материалам раскопок позднепалеолитического местонахождения Усть-Куленга 1 (Пержаков, 2001), в исследованиях которого принимал участие сам Михаил Петрович и его ученики – Максим Сёмин, Сергей Песков, Алексей Тетенькин, Алексей Чебатарёв. Опубликованы материалы по местонахождениям: Шишкино 8 (Пержаков, 2006),

Кистенёво 9 (Пержаков, 2009), в которых дан морфо-типологический анализ «ископаемых» индустрий. В 2002 г. В.В. Краснощёковым выявлены новые позднепалеолитические объекты: Усть-Чикальтуй 2, 3 возраст культуросодержащего слоя подтверждён C^{14} – радиоуглеродной датой.

Не обойдён вниманием северный участок Верхней Лены. В текущем году вышла статья «Геоархеологические местонахождения палеолита и мезолита севера Верхней Лены Балышово III, Любавская I» (Задонин, Хомик, Аксёнов, и др., 2014). В статье представлены материалы двух стоянок, которые были открыты в конце 1980-х – начале 1990-х годов учеником Михаила Петровича Олегом Задониным. В статье даётся геостратиграфическая и морфо-типологическая характеристика данных геоархеологических объектов. Хроностратиграфические данные раскопок подтверждены серией C^{14} – радиоуглеродных дат. В выводах данной работы значится главная цель автора открытий О.В. Задонина: «В числе первоочередных задач им (Олег Задониным) указывалась необходимость проведения на северо-верхоленских археологических объектах профессионально организованных геолого-геоморфологических работ, насыщения новейшими достижениями естественно-научных методов, определения возраста и выяснения условий палеоландшафтного окружения, организации и проведения на выявленных памятниках масштабных раскопочных работ» (там же с. 22).

Сдана в печать статья С.Н. Пержакова, А.М. Клементьева «Геоархеологические аспекты позднеплейстоценовой истории Тутуро-Илгинской депрессии (Верхняя Лена). Результаты работ в Тутуро-Илгинской депрессии позволяют сформировать частичные представления о позднеантропогенном этапе развития долин Лены и ее притоков. Представленный фактический материал, полученный при полевых изысканиях, зафиксирован на локальном участке одной из геоморфологических структур бассейна Верхней Лены, позволяет авторам говорить о существовании «культурных» палеосообществ в неоплейстоценовое время на ограниченной площади Ленского

На Усть-Белой, 1959 г.

бассейна. Геостратиграфические характеристики объектов в долинах рек Лены, Тугуры, Илги, дополненные палеонтологическими и археологическими материалами, дают наиболее полную картину формирования и развития позднеплейстоценоголоценовых отложений Тугуро-Илгинской депрессии.

Этот список не полный и может быть продолжен, но наша цель показать, что дела, начатые Михаилом Петровичем, живут в активном развитии.

Так уж повелось, что в жизни каждого исследователя, помимо печатной продукции (а у М.П. Аксёнова более 80 работ разного характера), скапливается бездна не напечатанного. Основной свой жизненный труд – диссертацию по палеолиту и мезолиту Верхней Лены Михаил Петрович защитил ещё в 1989, а сколько ещё не разобранного материала лежит в его архиве. Благодаря его ученикам в 2009 году увидела свет его докторская диссертация «Палеолит и Мезолит Верхней Лены», хотя были скептики, утверждавшие, что этот труд останется в единичных экземплярах в

На Илме, 1961 г.

Институтских архивах, но, слава богу, – этого не случилось! Настоящая монография воспроизводит оригинальный текст диссертационного сочинения М.П. Аксёнова лишь с незначительными стилистическими правками. Мы думаем, что ещё многое нужно доделать из творческого и полевого научного наследия Михаила Петровича.

Каким бы он был сейчас, мы не знаем, но, думается, многое бы ещё было сделано, открыто пытливым, острым, органично научным умом Михаила Петровича! Ниже мы позволим себе снова вернуться в прошлое и дать слово его друзьям, коллегам, ученикам.

Сергей Пержаков, археолог

**Памяти Михаила Петровича Аксёнова,
яркого представителя Иркутской школы
археологии и этнологии
(1934–2002)**

Михаил Петрович Аксёнов – один из ярких представителей сибирских археологов, выросший в среде славной Иркутской школы археологии и этнологии. Вспоминая о нем, непременно хочется сказать о доброй традиции этой школы, основателем которой был профессор Бернгард Эдуардович Петри, а нынешним ее лидером является профессор доктор исторических наук Герман Иванович Медведев. Одной из замечательных черт, знаковых для престижа школы, является традиция постоянной инвентаризации ее деяний, бережная память своей истории и научной преемственности.

Михаил Петрович Аксёнов вошел в науку зрелым молодым человеком, и потому его вхождение было, выражаясь словами поэта, «весомо и зримо». Были, конечно, и обстоятельства, благоприятствующие тому, когда человек в такой ситуации оказывается, что называется, «в нужное время в нужном месте». Дело в том, что в те годы, пятидесятые послевоенные, в стране разворачивались экспедиционные работы археологов, геологов, палеонтологов, географов и прочих полевых исследователей. Полным ходом разворачивались работы Ангарской археологической, Бурят-Монгольской экспедиций под руководством А.П. Окладникова, началась работа Братской геолого-палеонтологической экс-

На Усть-Белой, 1959 г.

педиции под руководством Н.А. Логачева. В составе последней был создан археологический отряд под руководством М.М. Герасимова.

Работа Мальтинско-Усть-Бельского отряда М.М. Герасимова 1956–1960 гг. осуществлялась силами студентов Иркутского госуниверситета. В этой экспедиции и прошли свое крещение такие студенты как Аксёнов, Зайцева, Коновалов, Медведев и Свинин. Когда в 1959 г. при кафедре всеобщей истории ИГУ по инициативе заведующего кафедрой профессора С.В. Шостаковича открылась аспирантура по археологии, все они, кроме Коновалова, уехавшего работать в Улан-Удэ, стали первыми аспирантами. Этой группе молодых, энергичных, без оглядки заряженных на археологию, суждено было продолжить и приумножить дела раннего поколения учеников Школы Петри, придать ей новый импульс развития и заслужить добрую репутацию высокопрофессионального коллектива Иркутской школы со своим творческим почерком.

Ныне деятельность этой Школы осуществляется в таких организационных формах как Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН – ИГУ и Байкало-Сибирский научно-исследовательский центр геоархеологических и этносоциальных исследований (НИЦ «Байкальский регион») – крупнейший научно-гуманитарный блок НИЧ ИГУ. Школа взрастила и воспитала большую плеяду специалистов-археологов, работающих как в иркутских вузах, так и в академических и университетских центрах Сибири и Дальнего Востока.

О безвременно, в расцвете творческих сил, ушедшем из наших рядов Михаиле Петровиче Аксёнове издавалась брошюра воспоминаний коллег, друзей и учеников, со списком научных трудов ученого (2006 г.). Воспоминания настолько правдивы и эмоциональны, насколько мы, начинавшие вместе с Аксёновым путь в археологию, знали, уважали и любили его, а поколения студентов, обученных им, были покорены человеческими и профессиональными качествами Михаила Петровича. Особенно впечатляет меня написанное моими друзьями-однокурсниками Германом Медведевым, бессменным лидером возрожденной Школы, Владимиром Свиным, неутомимым наставником молодых (и не только молодых!), энциклопедистом с безграничными знаниями и идеями.

Что же касается моих воспоминаний о друге и коллеге в год его 80-летия, то я вижу, что лучше всего было бы повторить уже написанное моими друзьями. К сожалению, этого не сделаешь, и потому я достаю свой полевой дневник 1959 года, когда мы вместе работали в устье р. Белой – притоке Ангары, на многослойном памятнике. Так и есть, записи мои выглядят настоящей иллюстрацией мыслей, оценок и переживаний, уже высказанных моими сокурсниками, о чем я только что сказал. Иначе и не могло быть, ведь они – о нашей общей экспедиционной жизни, совместных переживаниях и преодолениях, о дружбе и товариществе. Поэтому ниже счел уместным предложить некоторые страницы своего дневника, возможно, они будут интересны в связи с вышесказанным, в контексте мое-

го обращения к памяти Михаила Петровича Аксёнова. Они воскрешают в памяти будни одного полевого сезона начинающих археологов, атмосферу романтизма и увлеченности, неумного энтузиазма и неустанной мобильности, наивной самоуверенности в сочетании с ответственностью, возложенной на нас руководителями экспедиции.

Страницы полевого дневника

26 июня 1959 г., Иркутск – Усть-Белая.

Вчера в первой половине дня мы сидели перед экзаменационной комиссией, то уткнувшись в лист бумаги перед собой, то блуждая отсутствующим взглядом по аудитории, пытаюсь привести в порядок свои мысли для ответа на госэкзамене, а после обеда уже сидели в резиновой лодке-байдарке, и дружные взмахи весел, усиленные стремительным попутным течением Ангары, несли нас мимо заякоренных лодок рыбаков, встречных речных судов и бесконечно красивых берегов Ангары. Где-то на 70-м километре нас застала ночь, и мы ночевали на островке. А сегодня мы уже на месте. Сюда, в устье реки Белая, мы приплыли обосновать полевой лагерь. Экспедиционный отряд прибудет на машине, работа должна начаться с 1-го июля. Руководить будет Миша Аксёнов, пока не придет Михаил Михайлович Герасимов. Мы же – Герман, Володя и я, новоиспеченные «специалисты» – уедем на офицерскую стажировку завершать свой курс подготовки по военной кафедре.

30 июня. Иркутск. Сегодня Володя, Гера и я проводили в Усть-Белую весь личный состав отряда. Все эти дни после экзаменов мы как чумные носились туда-сюда, оформляя документы, собирая и упаковывая имущество.

8 августа. Усть-Белая. Наконец прибыли на место. Здесь наш отряд работает с 1-го июля под руководством Миши Аксёнова. В отряде 20 человек – все студенты, в большинстве историки, есть и филологи. Контроль за работой новичков осуществляли ветераны отряда Галина Зайцева, Людмила Петрова, Леонид Задороженко. Михаил Аксёнов отвечал за раскопки в целом. Справился он блестяще. Раскопку вел пра-

вильно и аккуратно, документация выполнялась как надо. В лагере идеальный порядок. Михаил Михайлович был чрезвычайно доволен. Сейчас снимают уже 4-й слой. Большую часть времени заняла отработка 1-го и 2-го слоев. Теперь общее руководство переходит к Володе Свинину, как заместителю Михаила Михайловича.

9 августа. Изучали раскоп, поработали на нем, разбирали кладку из плит в правой части. До нас здесь были расчищены две кладки, которые находились на разных уровнях залегания и привязка их к 3-му или 4-му слоям стратиграфии вызвала затруднение. При внимательном изучении было похоже, что эти слои разрушены ямами-провалами из 2-го слоя. Горячо поспорили по этому поводу, но пришли к выводу, что обе кладки привязаны к одному и тому же слою – 4-му. Зато осталось неясным, что собой представляли эти камни, в них не усматривался какой-либо порядок.

14 августа. Сегодня произошло интересное событие, явившееся подарком ко Дню археолога. Выловили из реки дикую косулю, запутавшуюся среди бревен огромного затора сплавленного леса в протоке р. Белой вблизи нашего лагеря. Это было драматичное действо на воде среди растолканных нами, опасно крутящихся и неожиданно легко тонущих под нами бревен, закончившееся «спасением» почти выдохшегося козла, которого оставалось использовать, да будет нам прощено, как охотничью добычу.

16 августа. Вчера отметили День археолога. С утра отдыхали, с полдня готовились к праздничной церемонии, выпустили третий номер газеты «В глубь». В 8 ч. вечера команда выстроилась в шеренгу под флагом. Был зачитан приказ и поздравления, дан салют из двух стволов ружья. После этого Миша поочередно вызывал каждого из строя и с пожатием руки вручал ему чарку водки, и тот, крякнув как умел, лихо опрокидывал в рот. Вся церемония снималась, между прочим, на пленку. Затем состоялось торжественное зажжение праздничного костра и освящение тотема. Костер зажигал Ким Хак Сен, кстати, попутно мы отмечали день 15-летия освобож-

дения Кореи. Праздник завершился отменным шашлыком и сидением у костра.

Сегодня идет дождь, видимо, он будет затяжной. Миша с Герой уехали в Иркутск. Мише необходимо присутствовать на собрании при зачислении абитуриентов в студенты. Герман должен в Филиале (ВСФ АН СССР) решить вопрос перевода денег в Усольскую автобазу, чтобы там мы могли заказать машину для переброски части отряда на Верхоленскую Гору, где собирается копать Герман.

22 августа. Экспедиция разделилась на две части. 18-го августа Герман увез группу ребят и девчат на Верхоленскую Гору. 20-го приехали Миша и Володя. Оставшийся Усть-Бельский отряд собрался в полном составе. Вчера и сегодня занимались описью 7-го слоя. Это мы осваивали методику обработки материалов в полевой камералке. Кстати, при описании остеологического материала нам пригодились отпрепарированные кости «спасенной» косули как образец для идентификации ископаемого материала.

Сегодня должен был приехать Николай Алексеевич, но мы не дождались его. И Михаил Михайлович что-то надолго задержался на Улан-Хаде и Селенге.

24 августа. Верхоленская Гора. Вчера часов в 12 дня в Усть-Белую приехал Николай Алексеевич. Осмотрел раскоп, ознакомился с планами и находками – остался доволен, претензий не имеет. С ним я и приехал сюда на Верхоленку вчера к вечеру, а Герман, оставив меня следить за работой ребят, уехал с ним же в Иркутск встречать своих из Казахстана. И я сегодня весь день на раскопе. Раскоп в 40 кв. м (10 х 4) вдоль обрывистого склона, примыкает к старым раскопам и шурфам Петри.

27 августа. Усть-Белая. Позавчера приехал из Фофаново на р. Селенге Михаил Михайлович с Людмилой (сортудник ГИМ) и в тот же день уехал, увез материалы 3–7 слоев. Вчера мы разобрали кострище и на этом завершили раскоп. К нам приезжала экскурсия учителей из Усоля около 20 человек. Сегодня из Иркутска пришла машина от Михаила Михайловича, чтобы увезти остатки находок 7 слоя и Людмилу. С ними уехали Миша, Володя и Галя, чтобы по-

смотреть Верхоленку. В лагере остались вдвоем с Ким Хак Сеном.

30 августа. В прошедшие дни работали на раскопе с Хак Сеном. Вчера приехал Володя из Иркутска, там он проводил Михаила Михайловича домой в Москву (улетел на ТУ-104). Неизвестно, когда снова встретимся с ним.

1 сентября. Володя, Хак Сен и Виталий разбили новый раскоп, прирезав 25 кв. м к правому крылу старого. Люда чертила планы набело. Я лежу с температурой.

4 сентября. Вчера приехал отряд Германа с Верхоленской Горы. Сегодня он показал нам материалы. Обсуждали маршруты задуманной нами разведки, финансовые и продовольственные проблемы. Запланировали 4–5-дневный маршрут – 459 км.

5 сентября. Виталия отправили в Усолье заказать легковую машину для разведки. На новом раскопе расчищали 1-й слой. Остальные копали шурфы, заложено 7 шурфов, чтобы прорезать каскад террас 8–10–12–15-метровых. Предстоит тщательная работа. Герман с Мишей прошли разведмаршрутом по правому берегу р. Белой от Устья до села Бадай и немного выше, затем по правому берегу р. Ангары. Там на пашне насобирали массу кремня – отщепы, скребки заготовки и пр.

6 сентября. Выезд на разведку не состоялся. Водитель выделенной машины отказался ехать наобум, не зная куда, и сам приехал к нам знакомиться с маршрутом. Пообещал завтра оформить на автобазе свою командировку и только послезавтра 8-го приехать. Но мы попросили его подбросить нас сегодня до Бурети, что он и сделал, и мы – Володя, Гера, Миша и я – пошли пешком обратно приблизительно 12 км, изучали террасы, овраги, обнажения. Герман подобрал огромный кварцитовый валун, примерно, десяток с лишком кило, и пер его километра три, не слушая наших уговоров – бросить, и донес-таки.

8 сентября. Обещанная машина не пришла. Что поделаешь, усольская автобаза нас не балует. Но мы вчера и сегодня успеваем двигать свои дела на раскопках. Володя, Миша и я взялись чертить разрез законченного раскопа. Гера занимался Верхоленской Горой. Остальные продолжали

снимать второй слой нового раскопа. Трое копали шурфы. Галя и Люда занимались чертежами. Если завтра не придет машина, можно начинать опись 1 и 2 слоев.

10 сентября. Машины нет и поныне. У нас созрело другое решение – поехать всем отрядом на грузовой машине по более короткому маршруту. Пока продолжаем работы на раскопах. Сегодня Толя нашел великолепный наконечник копья (?) листовидной формы, с обломанным основанием. В эти дни мы с Мишей чертили разрез стен раскопа – адская работа, очень сложный разрез.

12 сентября. До обеда дождь. После обеда начали разбирать 3-й слой. Володя, Хак Сен и я начали опись 2-го слоя. Очень насыщенный слой, но интересных находок не много, не находится шлифованных изделий, за исключением нефритового тесла, хотя встречаются точилы и пилы. Сложным и запутанным выглядит разрез террасы. Из-за переплетения слоев и прослоек усложняется привязка культурных горизонтов к геологическим слоям.

13 сентября. Ясный солнечный день. Миша с частью ребят копал шурфы около горы Пионерской на левом берегу Белой. Мы с Володией ходили маршрутом в Ангаро-Бельское междуречье, изучали террасы, наносили на план-схему. На правом скальном берегу Белой много кремня, есть орудия, несомненно, стоянка, но разрушена пашней и дорогой. У с. Бадай переправились на пароме на левый берег и пошли вниз по течению, осматривая овраги, обнажения, видели шурфы, сделанные Мишей. На склоне горы Пионерской нашли несколько хороших скребков. Террасы левобережья Белой между Шамотным заводом и горой Пионерской выражены не так четко, 8-метровая терраса по мере приближения к Пионерской постепенно переходит в более высокую. Наш маршрут длился целый день.

14–15 сентября. Состоялась-таки наша разведка по сокращенному маршруту: Усть-Белая – Усть-Ида – Бохан – Олонки – Александровск – Усолье-Сибирское – Усть-Белая. К вечеру 15-го большая часть личного состава экспедиции уехала в Иркутск, студентам надо устраиваться в общежитие,

начинать учебу. Володя тоже уехал устраиваться на работу.

20 сентября. За последние дни на раскопе прошли 4 и 5 слои. Миша с Эдиком шурфовали на горе Пионерской. У них масса кремня.

22 сентября. Герман, Миша и я разведкой прошли длинный участок правого берега Ангары напротив устья р. Белой. Осмотрели четыре пади. Самая крайняя снизу по течению реки за деревней Пономарево, две пади друг за другом выше Пономарево и четвертая, крайняя, еще выше по Ангаре.

24 сентября. Вчера занимались описью материалов: Верховенской Горы (Герман), Пионерской Горы (Миша), Усть-Белой (Я с Лёней). Сегодня закончили раскоп. То, что внизу, расчищали как 6 и 7 слои, пытаюсь их разграничить, к концу пришли к выводу, что здесь не два, а один и тот же слой.

25 сентября. На сегодня Николай Алексеевич задал нам работу – прокопать в законченном раскопе траншею 5 x 1,5 м до коренных пород. До обеда это сделали. После обеда Николай Алексеевич совершил с нами геолого-археологическую экскурсию. Посетили все наши шурфы, осмотрели террасы, обнажения, овраги. В конце дня беседовали по организационным вопросам.

27 сентября. Готовимся к отъезду. Собирали и подсчитывали имущество, оборудование, упаковывали коллекции. Николай Алексеевич и Володя до обеда проводили нивелировку террас по линии буровых скважин, пробитых бурильщиками геологической части экспедиции. Герман и Володя занимались нивелировкой от лагеря до Шамотного. Миша и я зачищали стенку (разрез) второго участка нашего раскопа.

28 сентября. Отъезд. Усть-Белая – Иркутск. Около 12 ч. пришла машина. Во втором часу снялись с лагеря, поехали. Примерно, в 17 ч. были в Иркутске. Коллекции сгрузили в музей, оборудование – у Миши.

В таком ритме мы провели этот полевой сезон 1959 г. Завершением года была камеральная обработка материалов в областном краеведческом музее. В заключение своего экскурса все-таки сошлюсь на Г.И. Медведева, который многие последующие годы трудился с Аксёновым в университете. Они продолжили исследования

не только в Усть-Белой и на Верховенской Горе, но и широко по Приангарью и по р. Илим. Герман Иванович вспоминал о случае почти мистического проявления интуитивной способности Михаила Петровича, когда на Усть-Белой он показал на место, где под землей лежат погребенные неолитические китойцы, и это в точности подтвердилось раскопками. Он был свидетелем того, что у Аксёнова было желание заняться исследованием проблемы китойской культуры, и он рассчитывал на то, что научным руководителем будет М.М. Герасимов, автор альтернативного взгляда на происхождение этой культуры. Но А.П. Окладников, приглашенный заведующим кафедрой С.В. Шостаковичем в руководители аспиранта Аксёнова, определил другую тему – культуру Верховенской Горы, и тот, конечно, вынужден был выполнить диссертационную работу по этой теме. Но Г.И. Медведев пишет, что еще до защиты кандидатской диссертации Аксёнов начал исследовательские выходы в долину р. Лены. После пережитой драмы с темой «Китоя» он хотел успокоиться, обрести «свой автономный» район работ и таковым выбрал р. Лену, которая манила многих как предполагаемый путь древнего человека на Американский континент. И этому направлению исследований Аксёнов посвятил многие годы своей жизни. В ряду его открытий в Верховенье – наиболее исследованный памятник вблизи с. Макарово, получивший мировую известность в археологии Северной Азии «Макаровский геолого-археологический комплекс», изучением которого он занимался до конца отпущенного ему срока жизни. Но итоги своих исследований в Приленье успел подвести значительно ранее в докторской диссертации «Палеолит и мезолит Верхней Лены» (1989). На этом объекте исследования М.П. Аксёнов обучил ряд высококлассных учеников.

**П.Б. Коновалов, Улан-Удэ,
ИМБТ СО РАН**

Любимый угрюмый Петрович

Михаила Петровича Аксёнова я впервые увидел осенью 1970 г., когда поступил на 1-й курс исторического факультета ИГУ.

М.П. Аксёнов. Братское водохранилище. Гора Игетей, 1988 г.

На Макарово 4. М.П. Аксёнов (справа) с С.М. Цейтлиным, 1976 г.

М.П. Аксёнов в то время читал нам курс «Истории первобытного общества». Его внешний вид и манера чтения лекций в то время на меня произвели сильное впечатление. Среднего роста, худой, черноволосый, зимой с усами как у Сталина, а летом всегда с густой черной бородой, с пронзительными черными глазами слегка «навыкате», он походил то ли на забайкальского гурана, то ли на аборигена тайги. В костюме темного или серого цвета, нередко без галстука, не очень разговорчивый, с глубокой складкой на переносице, он производил впечатление человека хмурого, угрюмого, нелюдимого. Его манера чтения лекций тоже была весьма необычной, если не сказать странной. Лекции М.П. Аксёнов читал без бумажек, размеренно прохаживаясь по аудитории – то вдоль доски, от окна к дверям и обратно, то между рядов парт. Было такое ощущение, что он беседует сам с собой, не замечая нас. Двери аудитории обычно были открыты. Двигаясь от окна к дверям, Михаил Петрович нередко оказывался в коридоре, откуда мы минутую другую продолжали слышать его размеренный глухой голос. Затем Петрович вновь возвращался, двигаясь меж рядов до последних парт. Вдруг он останавливается и говорит громким басом: «А что там у тебя упало под партой? Смотри-ка, там восьмерка трэф...».

Когда пришло время ехать на археологическую практику, старшекурсники (В. Белозерцев, Н. Крысин, В. Вагайцев и др.) наперебой стали расхваливать всеобщего любимца факультета Г.И. Медведева – отличный организатор, остроумный и обаятельный собеседник, великолепный рассказчик, генератор идей и душа коллектива. М.П. Аксёнов – угрюмый, замкнутый, скучный, «если не в настроении, то и погонять может». «Это как?» – Спросил я. «А поедешь – узнаешь», – похлопал меня по плечу Крысин. Не знаю, как другие, но я на первом курсе немного побаивался хмурого Петровича. И все же именно к нему я записался на археологическую практику.

Все-таки, как обманчив может быть внешний облик человека! С первого полевого сезона мы полюбили нашего угрюмого Петровича, который оказался не таким уж и

угрюмым, если привыкнуть к его манере общения. Тогда же (в 1971 г.) возникла и постоянная команда, ядро ленской партии: П. Шмыгун, В. Ветров, В. Зубков, В. Лынша. Позже пришли М. Шуньков, В. Есипов, Т. Абдулов, В. Клец и др.

Манера общения со студентами у М.П. Аксёнова была действительно своеобразной. Но мы к ней быстро приспособились. Если Г.И. Медведев, безусловно, обладавший всеми признаками лидера школы, любил и умел поучать и наставлять своих учеников, то М.П. Аксёнов, наоборот, делал это редко и неохотно. Подобно дзэнским патриархам, он не любил давать пространственных объяснений, полагая, что и намека вполне достаточно, если голова варит.

Вот типичный пример. На археологической практике в июле 1971 года мы раскапывали многослойный памятник Макарово 2. При зачистке стенки раскопа, ближе к дну, четко проявились две темных полосы. «Михаил Петрович, что это такое?» – спросил я, указывая на полосы. – «Это бёллинг, а это аллерёд», – ответил Петрович, поочередно тыча в них пальцем. Заметив мой почти безумный взгляд, он улыбнулся: «Это редуцированные погребенные почвы. Ясно?» Я утвердительно кивнул головой, боясь переспрашивать, чтобы не быть уличенным в непроходимой тупости. Ведь главное, что это погребенные почвы, было понятно.

А вот еще один пример. Осенью того же года, в свободное от работы время, я по собственной инициативе заложил свой первый в жизни шурф. Сам снял и описал стратиграфию, после чего попросил М.П. Аксёнова оценить сделанную работу. У вырытого шурфа состоялся памятный разговор в духе дзэнской беседы «мастер – ученик». Сначала Петрович бормотал про себя что-то не совсем понятное, а затем сердито спросил: «Ты здесь шурф копал или могилу рыл?» – «Шурф», – ответил я, подозревая, что тут явно что-то не так. – «Шурф? – выразительно посмотрел на меня мастер. – «Это шурф? Ну, ладно, а там у тебя что? Ты до чего там докопался?» – «До глубины два метра». – «Я не про глубину тебя спрашиваю, а спрашиваю, что у тебя там? Мерзлота?» – «Нет...» – «Так что

же ты остановился?» – «А что? Надо было еще копать?» – «Валера, у тебя с головой все в порядке?» – Спросил Петрович и выразительно покрутил пальцем у виска. Я сразу сообразил, что копать надо глубже, и тут же пообещал все сделать, как следует. «Сделаешь, как следует, тогда и позовешь», – закончил разговор Петрович. Учитель ушел, а я продолжал копать. Через три штыка появилась мерзлота. А на другой день, когда на глубине 4 м появились окатанные плиты песчаника и речные гальки, мне сразу все стало ясно.

Объяснять М.П. Аксёнов не очень любил, зато позволял сколько угодно молча наблюдать за тем, как он работает: как вычерчивает стратиграфию, как описывает разрез, как ведет полевой дневник и т. п. Иногда, не оборачиваясь и не поднимая головы, он, вдруг, пугал меня своим громким басом: «Не сопи под ухом!» Но никогда не прогонял. Так, наблюдая за работой М.П. Аксёнова из-за плеча, я довольно быстро, за два полевых сезона, научился читать и описывать стратиграфические разрезы.

Пока продолжалась археологическая практика, Михаил Петрович выглядел хмурым и угрюмым. Но как только практиканты уехали, все сразу изменилось. В экспедиции нас осталось всего 6 человек. Весь вечер допоздна мы сидели у костра все вместе. Михаил Петрович был в приподнятом настроении, много шутил и рассказывал всякие занятные истории о М.М. Герасимове, которого трогательно называл «дяденька Мишенька». Совершенно неожиданно для нас М.П. Аксёнов оказался не только веселым, но мягким и добрым человеком.

По-разному выражалась эта мягкость и доброта. Всего не расскажешь. Я, например, не помню, чтобы он на кого-нибудь кричал или сердился. Со мною лично М.П. Аксёнов строго говорил всего один раз из-за того, что я пошел на охоту один и не предупредил его. Этот важный урок я запомнил на всю жизнь.

Была у М.П. Аксёнова одна интересная черта характера: как нам тогда казалось, он очень не любил раскапывать погребения и любые другие памятники, которые моложе

мезолита. Лишь много лет спустя, из очерка воспоминаний Г.И. Медведева я узнал, что, на самом деле, Петрович мечтал заняться изучением погребений китойской культуры, но его руководитель А.П. Окладников настоял на том, чтобы он занялся не очень любимым ангарским мезолитом. Итак, нам казалось, что Петрович не любит раскапывать «всякую позднятину» и особенно, погребения. Но если он видел, что нам, студентам, это очень интересно, то всегда шел навстречу. Так было на Усть-Ямном, когда В. Ветров нашел фрагменты костяка в обнажении берега Лены. «Да никакое это не погребение! Так, сталинец какой-нибудь», – хитрил Петрович. Он очень спешил и не хотел задерживаться из-за какого-то там погребения. Но очень хотели мы. Ведь мы еще не раскапывали погребений. И Петрович уступил – позволил вскрыть одно глазковское, как выяснилось, погребение. Так было и на Поповском Лугу. После того, как в шурфах были обнаружены бронзовый нож, китойский гарпун, наконечники стрел и богато украшенная керамика, мы буквально уговорили М.П. Аксёнова разбить хоть один пикет. Неолитический слой оказался настолько интересным, что раскопки Поповского Луга были продолжены и на следующий год параллельно с раскопками палеолитического памятника Макарово 3.

Осенью 1971 г. только ради нас Петрович сделал остановку у Шишкинских писаниц и позволил нам целых два дня лазить по скалам. В обед и вечером он требовал от нас подробного рассказа о том, что мы нашли и видели на скалах, чтобы убедиться, что время не было растрчено впустую.

Здесь же на Шишкино, 12 лет спустя, произошла другая история, раскрывающая особенности характера Петровича. В 1983 году два преподавателя кафедры философии и научного коммунизма Иркутского сельскохозяйственного института, я и В.В. Есипов, испытывая острую ностальгию по ленским археологическим экспедициям, приехали в гости к любимому учителю. По приезду мы узнали, что в результате шурфовки обнаружен новый археологический памятник Шишкино 8. Судя по геоморфологической ситуации и стратигра-

фии, в которых были обнаружены несколько отщепов со следами золотой корразии, новый памятник мог оказаться давно желанным двойником знаменитого Макарово 4. Как охотничьи псы, почуявшие запах близкой добычи, мы с В.В. Есиповым тут же разбили пикет 5 x 5 м и начали раскопки, даже не спросив на то разрешения у М.П. Аксёнова. Мы мечтали только об одном – обнаружить набор артефактов, типологически идентичный макаровскому. Разумеется, мы вели раскопки в строгом соответствии с требованиями полевого комитета. Лишь вечером, по возвращении, мы признались учителю в своем грехе. М.П. Аксёнов не рассердился: он сразу все понял. К тому же мы были просто гости (хотя и не дилетанты), и заставить нас, против нашей воли, делать что-либо другое было просто невозможно. Разве что вообще запретить? На другой день к нам присоединилась Т.Н. Кононова, тоже гостившая у «ленцев». Вскоре наши ожидания подтвердились.

Мы уже закончили пикет и сняли стратиграфию, когда неожиданно приехал Г.И. Медведев. Здесь же при нас и из-за нас он устроил страшный разнос М.П. Аксёнову, обвинив его в кладоискательстве. Он так и заявил, что мы занимаемся профанацией работы вместо того, чтобы бить сплошную линию шурфов от самой вершины горы вплоть до первой террасы и прослеживать поведение геологических отложений на всех уровнях. Робкий аргумент М.П. Аксёнова о том, что «ребятам было просто интересно, почему я и не стал возражать», Г.И. Медведев отверг с порога, даже не пытаясь вникнуть в деликатность ситуации. В этом эпизоде вполне можно усмотреть столкновение двух научных парадигм: мы раскапывали археологический памятник, а Г.И. Медведев требовал исследовать геоархеологический полигон (Медведев и др., 1996, с. 10). С научной точки зрения, никакого греха против науки мы не совершили. С человеческой же точки зрения, нам было очень неловко из-за того, что по занимаемому статусу мы не могли вступить за любимого учителя. А вот он нас и понял, и пытался оправдать, потому что любил всех своих учеников – умных и не

очень умных, удачливых и не очень, ловких и не очень ловких – всех своих «ленцев».

Полевой сезон 1971 г. мы закончили трехдневным выездом на Манхай уже в октябре. «Что мы там делать будем, Михаил Петрович?» – спрашивали его. – «Там, на берегу Куды, кажется, есть мезолит. Проверим, увидите настоящее курыканское городище, следы древней оросительной системы. Там есть и плиточные могилы... Раньше это видели?... Нет? Ну, вот и посмотрите», – отвечал Петрович.

Вечером сидим у костра на высокой манхайской террасе с крутым спуском. Холодно. Пошел снег. Валера Зубков с двумя ведрами воды медленно поднимается по крутому спуску. Появилась голова, затем плечи, вот и фигура по пояс... Все смотрят в его сторону. «Сейчас наш Батя навернется», – произнес Петрович. Батя (эту безобидную кличку ему дал Петрович) тут же поскользнулся и опрокинул ведра с водой. Затем он спокойно встал и вновь пошел к Куде за водой. Петрович сидит и пьет холодный чай. Он очень любил именно холодный чай. Пьет чай, смотрит на костер и молчит. И мы молчим, греемся у огня, чай закипает. И отчего-то так легко и радостно на душе. После долгого молчания вдруг слышим бас нашего Петровича: «Мальчики (только он нас так называл), вы замечали, что на огонь никогда не надоедает смотреть? Взгляните на пламя костра – оно никогда не бывает одинаковым». С тех пор как увижу пламя костра в экспедиции, всегда вспоминаю нашего любимого учителя.

Валерий Лыниша, доцент кафедры исторического образования Школы педагогики, Дальневосточный федеральный университет

Стоянка имени Аксёнова

Я пришёл в лабораторию археологии в Иркутском государственном университете в период начала её расцвета. На моих глазах значительно увеличился её штат, из подвальных помещений она переехала в хорошие помещения, значительно увеличив занимаемые площади. Началось издание сборников статей, которые сразу же получили признание в профессиональной среде. В лабораторию потянулись иностранные

Рабочие будни в библиотеке Лаборатории археологии ИГУ в 1980-е гг.

визитеры, увеличилось количество полевых археологических отрядов и охват территорий исследования от Енисея на западе, до Витима на востоке.

В лаборатории археологии сложились два типа руководителей, проявленные в её лидерах. Первый был представлен лидером и главой лаборатории Г.И. Медведевым, человеком авторитарного типа руководства, ярким и харизматичным, отстаивавшим свою точку зрения с неистовством и бескомпромиссно. И второй тип был представлен М.П. Аксёновым, несомненным романтиком и человеком, вокруг которого роились люди самостоятельные, готовые к поиску и риску, желающие сделать что-то своё. Для Михаила Петровича того времени было характерно движение – движение в мысли, движение в пространстве. Им были затеяны разведки по Верхней Лене от Качуга до устья Витима, археологические разведки по Витиму от верховий до Усть-Муи. Для этих пионерных дел он подбирал из состава студентов, приходивших в лабораторию археологии, людей, готовых рисковать, окрылённых самой идеей поиска не-

известных, неоткрытых археологических памятников.

Надо признаться, Михаил Петрович был человек удачливый. Удача сопутствовала ему и в учениках, многие из которых впоследствии стали самостоятельными учёными, занявшими своё место в профессиональной среде по всей Сибири, и в открытии уникальных памятников. Да и хотя бы в том, что при достаточно скудных материальных средствах, зачастую пренебрежения к элементарным требованиям к технике безопасности, никаких серьёзных происшествий в археологических экспедициях под его руководством не произошло. А ведь все экспедиции по Витиму были связаны со сплавом по мощной горной реке в условиях тотального бездорожья и, по прошествии лет, вспоминаешь отдельные моменты и диву даёшься, как бог обнёс, и выкрутились из почти безнадёжной ситуации. Михаил Петрович был большим начинателем новых археологических проектов: экспедиций по рекам, где ещё не ступала нога археолога, применения новых исследовательских приёмов в анализе материала

– аппликации (или ремонта в современной терминологии).

Михаил Петрович был таким типом научного руководителя, который притягивал к себе разных людей и давал свободу действий им в научном поиске. Именно это качество его личности способствовало в последующем появлению самостоятельных учёных, таких как М.В. Шуньков, В.М. Ветров, В.А. Лынша, В.С. Зубков, П.Е. Шмыгун и др.). Ещё одна черта характера Михаила Петровича не может не быть упомянутой – восприимчивость к чужим мыслям и научная щедрость. Помню, как он поддержал меня в первой моей научной догадке по поводу раннего возраста усть-каренгской керамики. Эту мысль я высказал в своей дипломной работе по окончании университета и не все преподаватели и коллеги тогда поддерживали мою точку зрения. Уже много позже появились убедительные доказательства правоты этой точки зрения, а тогда, в 1979 году, Михаил Петрович принял и понял значение научного открытия, в котором и он был соучастником, при его деятельной помощи стали возможными археологические экспедиции по Витиму.

В честь Михаила Петровича Аксёнова я назвал одну из вновь открытых в годовщи-

ну его смерти стоянок на Витиме в устье реки Брызгунья. Для настоящего учёного-исследователя, по-моему, нет лучшего способа увековечить его память.

Евгений Инешин, выпускник исторического факультета ИГУ 1979 г., кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИрГТУ

Человек чести и верности

Весной 1975 года я, тогда ещё будучи студентом исторического факультета Якутского университета, впервые в своей жизни побывал в г. Иркутске и участвовал в работе региональной студенческой конференции, посвященной вопросам археологии Северо-Восточной Сибири. Конференция была организована историческим факультетом Иркутского государственного университета на базе Археологической лаборатории ИГУ. Там я познакомился со студентами-археологами Иркутского университета Женей Инешиным, Мишей Зайцевым, Виктором Ветровым, Михаилом Шуньковым, Александром Арбатским, Славой Есиповым, Тагиром Абдуловым, Сергеем Доброхотовым, Володией Базалийским, Сергеем Николаенко, а чуть позже с Олегом

Конференция в Музее Лаборатории археологии ИГУ, конец 1970-х гг.

Задониным и Сергеем Пержаковым, о которых я всегда вспоминаю с теплом и добром – прекрасные они люди. Это было другое, по-своему незабываемое время, когда все казалось достижимым в жизни и расписанным в соответствии с правилами жизни советского общества. Но оно ушло, и сейчас наша жизнь совершенно иная, чем та, о которой мы мечтали на заре своей юности. На конференции я познакомился с доцентом Михаилом Петровичем Аксёновым. Михаил Петрович в то время был уже хорошо известным археологом, одним из ярких представителей иркутской археологической школы и учеником самого Михаила Михайловича Герасимова. Первое знакомство – оно самое сильное и остается в памяти на всю жизнь. Тогда, в том далеком 1975 г., перед нами стоял стройный черноволосый человек в белоснежной рубашке и безупречном черном костюме. И главное, что больше всего поразило меня, – это его черные озорные глаза, которые, когда Петрович улыбался, загорались живым озорным огоньком искреннего веселья. Таким запомнился мне Михаил Петрович Аксёнов при первой встрече и так началось мое знакомство с иркутской школой археологов.

Шли восьмидесятые годы XX века, когда при Иркутском госуниверситете был создан один из научных центров изучения археологии Сибири, на базе которого создавалась «иркутская школа археологов», руководимая тогда еще доцентами, а чуть позже профессорами Германом Ивановичем Медведевым, Михаилом Петровичем Аксёновым и Владимиром Вячеславовичем Свининым. В это время в Прибайкалье достаточно хорошо были изучены периоды средневековья, бронзового века, неолита, мезолита, поздних этапов верхнего палеолита и на очереди стояли проблемы изучения раннего палеолита. В целях изучения вопросов каменного века Приангарья иркутскими археологами проводились исследования по систематизации номенклатуры и терминологии каменных орудий, применялись передовые для того времени методы изучения орудий, в том числе и аппликативный метод восстановления технологии расщепления каменных орудий, разрабатывалась типология орудий раннего палеоли-

та по материалам раннепалеолитических памятников Ангара и Верхней Лены. Все это было настолько интересно и увлекательно, что я поставил перед собой цель перевестись из Якутского университета на исторический факультет Иркутского университета и учиться в Иркутске. Я перевелся в ИГУ в 1977 г. Начав учиться в Иркутске, я сразу стал заниматься археологией на семинаре у Михаила Петровича и участвовал в работах Ленской партии археологической экспедиции ИГУ на Верхней Лене. В полевых сезонах 1977–1978 гг. я участвовал под руководством Михаила Петровича в раскопках раннепалеолитической стоянки Макарово 4 в Качутском районе. В тот период Михаил Петрович раскапывал стоянку Макарово 4, которая впоследствии стала одним из опорных памятников палеолита Сибири. Именно там, в ходе полевых работ я узнал основные правила жизни Михаила Петровича. В научном исследовании это, прежде всего, достоверность и точность фиксации материала. На раскопе Петрович, ежедневно сидя на бровке, вел описание найденных артефактов, фиксировал положение каждого найденного предмета и изучал, каким образом данный артефакт попал в культурный слой, – то ли он был втянут в слой морозобойной трещиной, то ли был втащен в слой с более высоких отметок солюфлиktionными процессами грунта, то ли каким иным путем артефакт был «спроецирован» в культурный слой раскапываемой нами стоянки Макарово 4. В своем полевом дневнике Петрович описывал каждую интересную находку в раскопе, отмечал степень дефляции найденных предметов, зарисовывал нужные ему для дальнейшей работы стратиграфические разрезы раскопов. У Петровича всегда были уложенные в газыри полевой сумки отточенные простые карандаши для записи дневника, в сумке были стиральные резинки, компас, курвиметр для работы с картами, миллиметровка для зарисовок. Вроде бы мелочь, но эти предметы очень необходимы для работы археолога и, как я сейчас понимаю, Михаил Петрович всегда был во всеоружии и готов к работе на раскопе.

Следует также отметить, что Михаил Петрович очень любил своих учеников:

Ожидание самолета, 1980-е гг.

Витю Ветрова, Мишу Шунькова, Тагира Абдулова, Славу Есипова, Женю Инешина, Сергея Доброхотова и многих славных ребят, работавших в Ленской археологической партии, а главное – беззаветно верил в них. Он видел в человеке только хорошее и доброе, несмотря на многие наши слабости. Но терпеть не мог лжи, трусости и предательства. Каким-то, только ему известным чутьем улавливал фальшь и мог сразу отрезать: «Мне-то! Не надо врать!» Он давал тем самым понять, что для него правдивость и честность являются главными ценностями. Так оно и было. Для Петровича предательство и трусость были худшими пороками человека. Михаил Петрович говорил: «Нельзя бросать в беде своих!», и это было железным правилом всех экспедиций, которыми руководил Петрович. Это качество он передал своим ученикам. Михаил Петрович был родом из казаков Аргунского забайкальского полка и, должно быть, верность своим казакам и знамени своего полка были заложены в его крови и переданы ему от его предков, казаков-аргунцев, которые перед врагами не отсту-

пали, своей чести не роняли и своих казаков в беде не бросали. Таким, вот был Михаил Петрович Аксёнов – наш научный руководитель, большой ученый, прекрасной и светлой души человек.

Николай Черосов, выпускник исторического факультета ИГУ 1979 г., Отличник культуры Республики Саха (Якутия)

Поговорить бы запросто...

Отчетливо помню наш первый с ним диалог. Стояло на дворе лето восемьдесят второго, мой первый сезон с археологами; был я непростительно молод и абсолютно, насквозь зелен. Михаил Петрович, тогда ещё не «дядя Миша», общался исключительно с подобными себе небожителями и допущенными к олимпийскому подножию, изредка снисходя до нас, смертных. Так нам тогда казалось. И одним препоганым дождливым утром, уютно помещаясь в теплом спальнике, я услышал обращённое ко мне: «Гляди – мамонт!». Действительно, на брезентовой стене натянутой как попало шатровки, потёками изобразились горбатая

На Мальтинском семинаре в 2001 г.

Одно из последних полевых фото... 2000 г. У Тальминской писаницы, Качугский район

спина и угловатая башка примигениуса. Взяв уголёк, я обвел контур, слегка с Аксёновым поспорив о деталях. И потом мы с ним долго запросто болтали о всякой всячине. Признаться, тогда меня распирало от гордости, чувствовал я себя едва ли не допущенным в клуб избранных. Некоторое время спустя, пообтершись и обтесавшись в полях, сообразил я, что общение с Петровичем всегда было на равных. Без панибратства, без ерничанья, но на уровне «мы с тобой одной крови». Именно на равных. Конечно же, он был на порядок равнее, но – никакого менторства, нравочений и вразумлений. Он, кажется, считал себя не вправе поучать кого-либо. А вот учить... Никогда он не учил напрямую. Иногда его уроки были яркими, иногда – странными, но именно поэтому откладывались в подкорке. Вскользь брошенное (о стратиграфии): «Как в букваре! Нарочно для вас нарисовали...», – и я до сих пор, тридцать годов спустя, четко помню действительно вполне себе классическую стеночку. И бесконечное его: «Спрашивайте, мальчики!».

Примечательно чутьё Петровича на «мальчишек». Почему тогда, в первый наш сезон, он ещё в самом начале отобрал на шурфы тех, кто до сих пор из них не может выбраться? А, может, наоборот, поставил он нас на шурфы, потому мы и влипли в археологию? Колдонул, блин... . Впрочем,

колдовство было-таки. После общения с ним всё виделось всегда чуть-чуть под другим углом, ярче, отчетливее. Обидно только, что тогда, давно, не всегда хватало умишка на правильные вопросы. А теперь не у кого спросить.

Владислав Белоненко, выпускник исторического факультета ИГУ 1986 г., методист Центра дополнительного образования детей Иркутской области

Он живет в наших сердцах

Плотное сотрудничество с Михаилом Петровичем у меня состоялось в 1989 г. В тот год я, Е.Е. Федосеев и С.М. Таракановский вместе с Михаилом Петровичем осуществили маршрут по всей акватории Усть-Илимского водохранилища. Это была незабываемая поездка. Общение в полевых условиях с Михаилом Петровичем оставило у меня неизгладимый след в душе и в мыслях. Для себя я тогда многое понял и осознал его ценные замечания о том, как необходимо проводить разведку, и вообще в отношении к делу, в дальнейшем сослужили хорошую службу. Для примера можно привести один случай. Идя на катере по Тушамскому заливу (Илимская акватория Усть-Илимского водохранилища), я решил ненадолго отойти в кубрик и прикорнуть. Буквально, через несколько минут я услышал громогласное «доходчивое» указание

Усть-Кутский район, село Турука, 1992 г.

На стоянке Мальта в 1998 г.

на то, что я нахожусь не в том месте, должен быть в это время на палубе и отслеживать береговые ситуации. В итоге я подскочил, как ужаленный, и, выйдя на палубу, увидел, что мы проходим мимо интереснейшего обнажения по левому берегу Тушамского залива. Спустя несколько минут, мы уже пристали к берегу, а еще через некоторое время мы с Сергеем Таракановским нашли в осыпях великолепные коррадированные артефакты. Фактически, по ситуации, можно говорить о том, что Михаил Петрович стал первооткрывателем нового палеолитического местонахождения. Тем, кто с ним работал, известно о его уникальном исследовательском «чутье». Сейчас, много лет спустя, осознавая свои недостатки, понимаешь, насколько он был прав, делая те или иные замечания.

Михаил Петрович всегда был открыт к общению. Например, одна из его любимых фраз была: «Ребятки, вы спрашивайте...». На фоне его природной немногословности высказанные им мысли всегда оттенялись этой чертой его характера, становились особенно весомыми и надолго запоминались. Голова Михаила Петровича всегда была занята какими-то мыслями и пробле-

мами. Иногда казалось, что он ведет с кем-то бесконечный внутренний диалог. Была у него интересная привычка. Идя по улице или по лесной тропинке, он, погруженный в свой мир, вдруг резко останавливался, хмыкал, делал особые «пасы» указательным пальцем, и далее снова продолжал свое движение. Михаил Петрович, несмотря на свою кажущуюся суровость, был очень добрым и воспитанным человеком. Например, бывая у нас дома, моей маме он запомнился как в высшей степени интеллигентный и обходительный мужчина.

Прошло уже достаточно много времени со дня его смерти. Порой, начиная о нем говорить с молодыми сотрудниками, ловишь себя на мысли, что к великому сожалению не можешь передать весь колорит и неповторимость его фигуры, как в человеческом, так и в профессиональном плане. Достаточно сказать, что в среде палеолитчиков России Михаил Петрович до сих пор пользуется огромным уважением и любовью.

И сегодня я могу с уверенностью говорить о том, что, работая на палеолитических объектах Южного Приангарья или выполняя разведочные работы в Северном

Приангарье, чувствую особое влияние его личности на мою профессиональную деятельность. Михаил Петрович живет в наших сердцах...

Евгений Роговской, выпускник ИГУ 1992 г., кандидат исторических наук, научный сотрудник Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии ИАЭ СО РАН – ИГУ

«Главное – будь человеком!»

Вспоминая о Михаиле Петровиче, я каждый раз с сожалением думаю о том, что нынешние студенты не застали Аксёнова, не видели его воочию и не знают, каким он был.

Невероятное обаяние личности Михаила Петровича притягивало к нему людей всегда. Яркая, по-мужски искрометно красивая внешность, низкий голос, за которым чуялся крутой нрав, и при этом доброта, человечность. Его любили, обожали, ему подражали. Его выходки и шутки обрастали подробностями и становились легендами, иркутским археологическим эпосом. А его самые близкие ученики относились к Аксёнову как к родному отцу. И он никогда не подводил их. Я помню, как Олег Задонин говорил, что всякую статью им написанную носил Петровичу показать. За благословением любимого Учителя, можно сказать, ходил. Сергей Пержаков возил его на Лену все последние годы с собой. Перед глазами моими до сих пор стоит образ ступающего по лесу Аксёнова так, словно ногами выщупывал землю, а под ней – скопления артефактов. Это были такие лесные упанишады – сидя у ног Учителя, мы ловили оброненную им Мудрость. Кажется, вот точно он знает, скажи, Учитель!

Двенадцать лет прошло с тех пор, как Михаила Петровича не стало. Это время высветило его наследие, что-то в нем, наверное, стало отчетливей. Огромный вклад его – археология Верхней Лены. Замечательные памятники, возвращенные на них ученики, вложенная в работу жизнь и душа. Наверное, многие археологи задумывались

о том, что раскапывая памятники и их изучая, исследователь и себе памятник создает этим самым. И вот Макаровские, Шишкинские, Кистеневские стоянки – и есть памятники ему. Дух Аксёнова в них присутствует. В палеолитоведении Сибири – это один из самых разработанных районов. Для меня созданная М.П. Аксёновым геоархеологическая модель Качугского района Лены является образцом, ориентиром научным. Надо сказать, что он не ленил ум свой и о сложном писал сложно. Наукоемко, я бы сказал. И еще одно очень! важное достоинство Михаила Петровича: он не оставил неопубликованных результатов. Все! его основные разработки и раскопки изданы. Он в этом смысле не оставил научных долгов.

Размышляя о наследии Михаила Петровича, я вижу краугольные камни его убеждений: многослойный характер ранне-мезолитического местонахождения Верховенская Гора; ранневерхнепалеолитический комплекс Макарово 4 не должен быть старше 40 000 лет; постепенная эволюция каменной культуры палеолита и мезолита Верховенья отмечена стоянками разных этапов. Интересна высказанная идея: в стрессовые климатические периоды сжатия ареала человеческой популяции до обитания в немногих локальных экологических нишах. Да и многое есть другое. Несомненно, иные его грани будут нам еще открываться.

Я думаю, у многих моих коллег есть особенная своя память о Михаиле Петровиче. И у меня есть своя. Однажды я встретился с ним в коридоре, и он мне сказал: «Тебя делают начальником? ...? Главное – будь Человеком!»

Алексей Тетенькин, выпускник исторического факультета ИГУ 1994 г., преподаватель кафедры истории и философии, сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии Иркутского государственного технического университета

Библиографический список

1. Абдулов Т.А. Палеолитические горизонты Потанчетского геоархеологического полигона // Современные проблемы Евразийского

палеолитоведения: материалы докл. междунар. симпозиума, посвящ. 130-летию открытия палеолита в России

- (1–9 авг. 2001 г., Иркутск). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. С. 5–13.
2. Аксёнов М.П. Палеолит и мезолит Верхней Лены : монография. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2009. 370 с.
3. Аксёнов М.П., Ветров В.М., Шмыгун П.Е. Исследования в долине р. Витим // Археологические открытия 1974 года. М.: Наука, 1975. С. 185.
4. Аксёнов М.П., Ветров В.М. Исследования в горно-таежных районах р. Витим // Археологические открытия 1976 года. М.: Наука, 1977. С. 185–186.
5. Ветров В.М. Археология Витимского плоскогорья: усть-юмурченская культура (5–4,6–3,5 тыс. л. н.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. Вып. 2. С. 34–41.
6. Ветров В.М. Археология Витимского плоскогорья: усть-каренгская культура (13000–5000 л. н.) // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск : Изд-во УГПИ, 2011 б. С. 173–187.
7. Ветров В.М., Людников В.О., Спиридонова Ю.В., Шергин Д.Л. Новый позднелеолитический памятник в археологии Иркутска. Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы междунар. науч. конф. (Иркутск, 3–7 мая, 2011 г.) / под общей ред. А.В. Харинского. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2011. Вып. 2. С. 42–49.
8. Воробьева Г.А. Почва как летопись природных событий Прибайкалья: проблемы эволюции и классификация почв : монография. Иркутск : Изд-во. Иркут. гос. ун-та, 2010. 205 с.
9. Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Человек и природная среда Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. Новосибирск : Наука, 2010. 270 с.
10. Краснощёков В.В. Объекты палеолита в бассейне р. Киренги // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения: материалы докл. международ. симпозиума, посвящ. 130-летию открытия палеолита в России (1–9 авг. 2001 г., Иркутск). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. С. 181–190.
11. Краснощёков В.В. Местонахождения с эолово-коррадированными находками в низовье Киренги. Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы междунар. науч. конф. (Иркутск, 3–7 мая, 2011 г.) / под общ. ред. А.В. Харинского. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2011. Вып. 2. С. 105–110.
12. Лежненко И.Л., Пержаков С.Н., Николаев В.С., Луньков, А.В., Краснощёков В.В., Песков С.А., Дзюбас С.А., Сёмин М.Ю. Археологические спасательные работы в зоне строительства нового мостового перехода через р. Ангару (левый берег) в г. Иркутске // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2000. С. 38–39.
13. Медведев Г., Свинин В., Шмыгун П., Пержаков С. Памяти учёного-археолога // Земля Иркутская. 2002. № 2 (19). С. 62–64.
14. Никифоров А.Г. Малая Родина : стихи. Иркутск : Оттиск, 2012. С. 60.
15. Пержаков С.Н. Морфологические характеристики каменного инвентаря Шишкино IX (Верхняя Лена) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2006. Вып. 4. С. 178–184.
16. Пержаков С.Н. Палеолитическое местонахождение Кистенёво 9 (Верхняя Лена). Предварительный морфологический анализ каменного инвентаря // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. Материалы Всерос. семинара, посвященного 125-летию Б.Э. Петри. Иркутск, 3–6 мая 2009 г. Иркутск : Изд-во Амтера, 2009. С. 282–291.
17. Сёмин М.Ю. Новые палеолитические объекты в Иркутском районе. Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы междунар. науч. конф. (Иркутск, 3–7 мая, 2011 г.) / под общ. ред. А.В. Харинского. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2011. Вып. 2. С. 143–146.
18. Список научных трудов Михаила Петровича Аксёнова / сост. С.Н. Пержаков. Иркутск, 2006. С. 32.